

МАКСУД ИБРАГИМБЕКОВ

ЗАНЯТОЕ МЕСТО

Вы не знаете, как выглядит Смерть?.. Когда-то кому-то пришло в голову изобразить ее в виде скелета с косою в руках. Вряд ли в наши дни Смерть в таком виде сумеет произвести впечатление даже на какого-нибудь неврастеника — школьника. В последние годы Смерть — скелет с косою в руках — можно изредка увидеть только в плохих мультипликационных фильмах.

На самом деле, Смерть выглядит по-иному. Она, как две капли воды, похожа на самосвал с желтой кабиной и серым стальным кузовом, который выскакивает на шоссе под самым вашим носом, когда стрелка на спидометре вашей машины уперлась в крайнее правое деление, и тормозная педаль вам может понадобиться только для того, чтобы мотоцикл, на котором сидите вы и два ваших приятеля, два раза перевернулся за мгновение до того, как превратиться в груды жестяного лома.

Очнетесь, если вам очень повезет, в больнице, первое время вам никак не удастся вспомнить, как вас зовут, свой адрес, имена ваших родителей, название города, в котором вы родились, и тому подобные мелочи. Когда ваш мозг оправится от состояния, именуемого тяжелым его сотрясением, вы поймете, что два перебинтованных соседа по палате, это два ваших друга, которые в тот злосчастный день ехали на вашем мотоцикле. Еще позже вы и один из ваших друзей выпишутесь из больницы без всяких видимых последствий для вашего организма, а другого вашего приятеля, второго, переведут в другую больницу, психиатрическую, где лучшие психиатры страны четыре года подряд не смогут его уговорить сойти с мотоцикла, с которым он не согласится расстаться даже в постели. У вас на лице и на груди останется несколько шрамов на память об этом приключении и кошмары, которые будут вас мучить во сне, впрочем не слишком часто, и со временем станут являться к вам через очень длительные промежутки времени...

Он проснулся весь в поту, понадобилось несколько мгновений для того, чтобы вспомнить, что он находится в своей спальне, а не на том проклятом шоссе. Это было чудесное ощущение, почувствовать, что все только что пережитое было ни что иное, как отражение давно происшедших событий.

Имя, которым нарекают человека при рождении, играет большую роль в определении всей его судьбы. В этом утверждении, на мой взгляд, совершенно

отсутствуют элементы мистики и высказывается оно после долгого и детального изучения имеющихся в распоряжении автора фактов.

Автору лестно напомнить, что этой же точки зрения придерживались задолго до него, в результате чего появились такие совершенно изысканные по звучанию мужские и женские имена, как Одинокый Бизон, Серебряное Облачко, Молния и Лев...

Автору удалось проследить удивительную закономерность, из которой явствует, что если в прошлом, например, обладатель шикарного имени Лев в чем-то походил на это в высшей степени обаятельное и общительное животное, то в наши дни не зафиксирован ни один случай, когда хотя бы одному представителю многочисленного отряда Марксов, Цезарей, Наполеонов, Эсхиллов и т. д. в какой-либо области удалось бы превзойти своих знаменитых тезок — предшественников. Таким образом, автор приходит к другому заключению: называя отпрыска при рождении именем прославленного человека, тщеславные родители автоматически лишают свое чадо возможности стать впоследствии знаменитым. Если кому-нибудь из читателей станет известным хоть один случай, противоречащий вышесказанному, автор просит сообщить об этом на его взгляд совершенно невероятном факте по телефону или телеграммой...

Итак, в это весеннее утро Стендаль Кросби проснулся очень рано. Он лежал на спине и смотрел на пляшущие на потолке солнечные блики. Он, конечно, нисколько не подозревал, что ему, почти безвестному автогонщику, предстоит в самое ближайшее время избавиться от изрядных неприятностей все человечество...

А пока он лежал на спине и старался спросонок вспомнить, отчего это у него такое хорошее настроение. И вдруг он вспомнил — сегодня он купит новую машину, он еще не знал, какой марки будет машина, но не сомневался, что это будет самая лучшая модель, на которой ему когда-либо приходилось ездить. Сегодня открывалась выставка, на которой должны были представить свои машины почти все автомобильные фирмы мира. Стендаль посмотрел на жену, лежащую рядом, очень хотелось разбудить ее, ему не было свойственно эгоистическое качество радоваться в одиночку, — но раздумал, вспомнив, что она легла очень поздно. Он слез с кровати и, тихо ступая по паркету босыми ступнями, пошел в детскую комнату. По пути он остановился перед трюмо — в зеркале появилось изображение человека лет двадцати шести с развитой фигурой спортсмена и лицом, которое ему с детства очень нравилось. Стендаль с легким вздохом потрогал на правой руке слегка начинающий терять четкую форму бицепс и, подмигнув себе, прошел в детскую, из которой раздавались какие-то звуки, очевидно, долженствующие выражать радость и

веселье. Он вошел в детскую и остановился у порога: младший его сын, перегнувшись через барьер кровати, с завистью наблюдал за старшим, который, сидя на корточках и издавая вышеупомянутые звуки, крутил на полу в разные стороны две крышки от кастрюль — так он изображал магнитофон. Увидев отца, он бросился ему навстречу:

— Пап, ты вчера сказал, что мы с утра пойдем и купим машину!

— Вот позавтракаем и пойдем.

Они все трое отправились в ванную и сыграли там в ежедневную утреннюю игру; кто дольше простоят под холодным душем. Стендаль великодушно выскочил первым, победителя — старшего сына пришлось вытаскивать из-под холодных струй силой: упорством характера тот пошел в отца. Стендаль незаметно подкрутил вентиль, подбавил горячей воды, когда под душ вошел самый младший. Условия игры должны были для всех быть одинаковыми, и малыш гордо простоял целых пять минут под теплым душем.

Потом они оделись и пошли все вместе будить маму. В гостиной Стендаль остановился перед большим портретом тещи. Даже теперь, глядя на портрет, он чувствовал глухое раздражение. Стендаль знал, что если бы оригинал портрета проходил в живых еще года два-три, то уже где-то в середине этого периода его жене пришлось бы регулярно отвечать на вопрос: «А где же наш папа?»

За завтраком только и было разговоров, что о новой машине. Договорились, что это будет самая лучшая машина из всех имеющихся на выставке. Денег у Кросби накопилось достаточно для того, чтобы купить самую лучшую модель.

Выставка автомобилей разместилась под гигантским куполом. Стендаль с женой прохаживался по блестящему паркету, разглядывая выстроившиеся перед ним в ряд роскошные автомобили.

— «Мы советуем вам купить чудесную машину «Супер-105 Холидэй», цвета «Бронзовые брызги и полярное сияние», — вкрадчиво сказал репродуктор. — Эти автомобили сконструированы для максимально безопасной езды. Новый сталь сверкающего кузова подчеркивается вистапанорамным ветровым стеклом, ромбовидной решеткой радиатора, загнутыми дельтаобразными задними крыльями. Купив эту новую замечательную машину, вы, не заметив этого, становитесь элегантным человеком, независимо от покроя вашего костюма» ...

Стендаль остановился перед вращающимся стендом, на котором гордо возвышался «Кадиллак», модель будущего года. Чудесные качества этой машины были ему известны.

К чете Кросби подошел главный распорядитель выставки, такую честь он оказывал не каждому, и Стендалю стало приятно, что окружающие обратили на это внимание.

— Я очень рад, что вы пришли, — сказал главный распорядитель. — Приятно видеть человека, по-настоящему разбирающегося в автомобилях. Если вы еще не выбрали машину, я бы вам посоветовал внимательнее рассмотреть этот «Понтиак». Самая последняя модель, она еще не поступила в серийное производство. Скажу вам по секрету, компания предусмотрела в ней несколько новшеств, в результате которых продажа этих машин ограничена — ее разрешается продавать людям с абсолютно чистым полицейским досье. Главный распорядитель открыл переднюю дверцу и показал на кнопку под часами: если ее нажать, то моментально позади вашей машины образуется лужа масла, это на случай преследования. Нажимать ее рекомендуется на повороте, из-под задних рессор вашей машины выливается масло из специального бака, и преследующей вас машине ничего не останется иного, как перевернуться со всем содержимым. А вот поворотом этого колесика вы можете изменить в течении получаса цвет вашей машины.

— Кроме того, — продолжал главный распорядитель, — компания дает в придачу к этой машине: обогреватель и антиобледенитель, установку для кондиционирования воздуха, дифференциал положительного сцепления с любым грунтом и пневматическую подвеску...

— Спасибо, — сказал Стендаль. — Я подумаю. Возможно, мы ее и купим...

— Впрочем, — сказал главный распорядитель, — вы не ошибетесь, купив любую машину, представленную на этой выставке. Сегодня здесь самое лучшее, что есть в автомобилестроении...

Стендаль, его жена и дети с восторгом смотрели на десятки роскошных машин и испытывали какую-то нерешительность, как бы сожалея, что, купив одну из них, они тем самым откажутся от всех остальных. И, самое главное, ни одна из машин не была намного лучше других, покупка любой на давала гарантии, что ты купил самую лучшую. А ведь так приятно чувствовать себя обладателем самой лучшей машины! Вся беда в том, что на этой выставке были представлены самые лучшие машины. И каждая машина была самой лучшей.

— Я все-таки решил купить «Кадиллак», — решительно сказал Стендаль. — Вам нравится?

Сыновья кивнули одновременно.

— Черную? — спросила жена.

В эту минуту Стендаль был воплощенное великодушие:

— Да. Твой любимый цвет.

— Чудесная машина, - сказал главный распорядитель. Он совершенно не напоминал человека, который пять минут назад расхваливал «Понтиак». - Я скажу, чтобы выписали чек!

Стендаль обернулся, почувствовав, что кто-то тронул его за рукав. Перед ним стоял пожилой человек в очень помятом костюме, воротник его темносерой рубашки скрепляла принадлежность туалета, которую очень условно можно было назвать галстуком. Пожилой человек время от времени откусывал от огромной яркожелтой моркови. Стендаль вопросительно посмотрел на него, этого человека он видел впервые. Человек вынул изо рта морковь.

— Вы ведь Стендаль Кросби?

— Я.

— Автогонщик?

Стендаль кивнул.

— И вы, человек, хорошо знающий, что такое скорость, собираетесь купить эту рухлядь. — Старик презрительно ткнул пальцем в облюбованный Стендалем «Кадиллак».

— Простите, - с любезной улыбкой сказал старику главный распорядитель. Он взял под руку Стендаля и отвел его в сторону. — Видите ли, этот старик околачивается здесь с утра. Пристает к посетителям со всякими глупостями. Явился он сюда с рупором и громогласно заявил, что выставленные машины, все до одной, допотопные колымаги, давно отжившие свое. Рупор мы у него отняли, а теперь, кажется, придется убрать его самого с территории выставки. Он все приглашает пойти с ним куда-то и посмотреть на какую-то чудо-машину его собственного изобретения... Я вас прошу не обращать на него внимания. Видно, человек совсем выжил из ума, а может быть, чересчур хорошо позавтракал.

Стендаль с сожалением посмотрел на старика и встретил его умоляющий взгляд.

— Я прошу вас, — сказал старик. — Пойдемте со мной, я покажу вам нечто очень интересное.

— Как-нибудь в другой раз, — бодрым гоном сказал Стендаль. — Сейчас я с семьей, а без жены и детей в воскресный день я никуда ни шагу.

— Идем все вместе. Я вас уверяю, что увидеть мою машину будет интересно... Это совсем рядом. В двух шагах отсюда.

Рядом возникла стройная, спортивного склада, фигура.

— Пойдем, — сказал обладатель стройной фигуры, — я с удовольствием посмотрю вашу машину.

— Я не сделал ничего такого, за что следовало бы меня вывести, — решительно сказал старик. — Оставьте меня в покое...

— Ну, вот мы уже начинаем грубить, — ласково сказала фигура.

Стендаль увидел, как лицо старика исказилось от боли, — очевидно, детектив перестарался. Стендаль с отвращением подумал, что день, непоправимо испорчен, и направился к старику, который беспрерывно на него оглядывался.

— Оставьте его в покое, — сказал он детективу. — Ведите, показывайте, — грубо сказал старику.

— Вы не пожалеете. Старик с задумчивым видом ощупал свою кисть. — Почему люди так легко причиняют боль себе подобным, ведь этот парень даже не испытывал злости ко мне... Он спохватился: — Пошли!

Они впятером вышли, и дети с сожалением оглядывались на оставленную выставку. Стендаль чувствовал, что жене неприятна вся эта история, и он взял ее под руку.

— Мы сейчас же вернемся, — сказал он ей. — Ладно?

Она неуловимым, заметным только ему движением на мгновение прижалась к его плечу.

— Вы не пожалеете, — сказал старик. — Вы сейчас ее увидите. Она стоит вот там, вот за теми кустами, еще сто метров...

Они пересекли открытую бетонированную площадь парка и вошли в лес. Пробираясь сквозь заросли, Стендаль почти вслух ругал себя за то, что ввязался в эту глупую историю.

— Вот, — сказал старик.

На опушке стояло непонятное сооружение высотой в полтора метра. Сооружение было выкрашено в серый цвет и стояло на шести колесчатых ногах. Стендалю оно напомнило какое-то гигантское насекомое.

— Вот, — повторил старик. — Это моя машина!

— Вы, по-моему, говорили о каком-то автомобиле? — растерянно сказал Стендаль. Он совершенно забыл о своем намерении ничему не удивляться.

— Отойдите на несколько шагов, — благоговейным шепотом сказал старик. — Вы же отходите в музей на несколько шагов, чтобы получше рассмотреть великую картину...

Стендаль подошел к «автомобилю» ближе. Потрогал нагретый на солнце теплый металл туловища, внимательно осмотрел суставчатые высокие ноги.

— Кабина вмещает шесть человек, — сказал старик. — Загляните внутрь...

Заинтересованный Стендаль открыл дверцу и вошел в кабину. Внутри она очень напоминала кабину автомобиля. Сидения были обтянуты незнакомым Стендалю синтетическим материалом, во всем внешне приборы управления ничем не отличались от управления любого автомобиля. Стендаль в стекло увидел встревоженное лицо жены и детей.

— Садитесь, — пригласил их старик. — Мы сейчас испробуем нашу машину.

— Нам пора идти, — сказала жена. — Уже время второго завтрака. Идем, - в голосе жены появились новые нотки.

Когда она начинала говорить таким тоном, Стендалю сразу же вспоминалась покойная теща.

— Скоро пойдем, — хмуро сказал он, и жена поняла, что теперь его с этой поляны не увести никакими способами.

— И вы думаете, что эта штука сдвинется с места? — спросил он у старика.

Стендаль сел за руль и, включив мотор, плавно отжал педаль сцепления - машина медленно сдвинулась с места. Стендаль не мог видеть этого, но ясно представил, как заходили ноги машины. Старик сидел рядом и заворуженно следил за каждым движением Стендаля. Тот прибавил газ, потом неожиданно затормозил — машина остановилась, словно вкопанная.

— Они, наверное, страшно перепугались, — сказал Стендаль, кивнув в сторону безмолвно наблюдавшей за происходящим семьи. — Я на минутку. — Он выпрыгнул из машины и подошел к жене. — Слушай, это гораздо интереснее, чем может показаться с первого взгляда. И старик этот никакой ее сумасшедший — я немного покатаюсь, посмотрю, что это за машина такая.

— Я тебя не пушу, — сказала жена, и Стендаль только теперь увидел, какая она бледная. — Какой-то механизированный паук, а не машина. Нечего тебе там делать. Видел бы ты, как она зашевелила щупальцами.

Оба сына вцепились в Стендаля:

— Папа, возьми и нас с собой!

— В следующий раз! — сказал Стендаль. — Я должен посмотреть сам, что это за машина и можно ли на ней кататься детям.

Он еще раз глянул на машину: и впрямь, наверное, не очень приятное зрелище, когда это чудовище начинает передвигать ножищами.

Он обнял одной рукой жену, привлек ее к себе:

— Может быть, это как раз тот шанс, который должен выпасть на долю человека хоть раз в жизни, может быть, это как раз наш шанс. Со мной ничего не случится, я уже кое- что заметил, машина как машина — принцип тот же.

Очевидно, только вместо колес — ноги. Посмотрю еще, каковы ее ходовые качества...

Стендаль решительно уселся в облегающее тело кресло и включил мотор.

— Надо выбраться на шоссе, — сказал он.

— Не надо, — сказал старик. — Не нужна нам никакая дорога. Моя машина в ней не нуждается. Нажимайте на газ.

— А, будь что будет! — буркнул Стендаль и нажал на акселератор.

Машина бежала по неровной вспаханной земле, ловко лавируя между стволами деревьев. Вдруг ноги машины зацокали по бетону — машина выскочила на шоссе.

— Испробуем на скорость, — сказал старик, он нервно потирал ладони. — Давайте, жмите до отказа, посмотрите, на что она способна.

Машина мчалась, распластавшись над шоссе. Стендаль бросил взгляд на спидометр и не поверил своим глазам — двести километров в час!

— Это далеко не предел, — небрежно сказал старик. — Но скорость не главное ее достоинство, я бы хотел, чтобы вы обратили внимание на другое... А ну-ка сверните с шоссе! Не снижайте скорости.

Стендаль повиновался с трудом, инстинкт опытного автогонщика запротестовал в нем: машина на полном ходу соскочила с шоссе и помчалась по густо засеянному хлопковому полю. Стендаль еле успел нажать на тормоз — перед оврагом машина остановилась мгновенно — только кузов-туловище два раза плавно качнулся назад и вперед над застывшими ногами.

— Почему вы остановили? — нетерпеливо спросил старик. — Это вам не какая-нибудь допотопная колымага на колесах. Моей машине не страшны такие преграды.

Машина, проворно перебирая ногами, взобралась по крутому откосу оврага.

— Моя машина, — сказал старик, — умеет забираться на деревья и переплывать реки. Ей не нужны дороги, она свободно бежит по любой, самой неровной поверхности, причем водитель и пассажиры этих неровностей не почувствуют, наконец, ей не нужен гараж, ей не повредит ни солнце, ни снег.. Колесным автомобилям пришел конец. Вы, Стендаль Кросби, начинаете новую эру - эру шестиногих автомобилей. Мы начнем серийное производство, и вы будете единственным акционером новой компании, — разумеется, кроме меня.

— А почему вы обратились ко мне? — задумчиво сказал Стендаль.

— До вас я обращался к другим, но им было лень сделать те сто шагов, которые сделали вы. Сто шагов до своего счастья. Одних шокировал разговор с сумасшедшим, по их мнению, стариком, другие не могли поверить, что кто-

нибудь может обратиться к ним с бескорыстным предложением. Если бы вы знали, сколько людей упускают в своей жизни счастливый случай! Итак, вы первый человек, который купит шестиногий автомобиль. Покупаете?

— Но он, наверное, очень дорог, — сказал Стендаль. Он знал, каких бешеных денег стоят экспериментальные модели.

— Сколько стоит тот паршивый «Кадиллак», который вы собирались купить?

— Семь тысяч четыреста.

— Моя машина стоит триста семьдесят...Ровно в двадцать раз дешевле. Причем я вам никакого одолжения не делаю. Эти машины будут стоить так и в розничной продаже. Мы завоюем весь мир! Любой человек на Земле купит эту дешевую машину. Каждый. Ибо нет человека, который не захотел бы иметь автомобиль. Желание быстро передвигаться заложено в каждом человеке. Если же кто и говорит, что равнодушен к машине, он говорит неправду. Впрочем, есть люди, которые не в состоянии водить сами, а нанять шофера им не по карману. Мои же машины будут покупать все — они дешевы, а управлять ими может даже ребенок. Шестиногие автомобили избавят человечество от строительства дорог — ибо им не нужны дороги. Словом, трудно предусмотреть все перспективы, которые открываются перед людьми...

— А в чем будет состоять мое участие в деле? — спросил Стендаль. — Я, к сожалению, не располагаю деньгами, которые нужно сюда вложить.

— Я же вам сказал, — перебил его старик, — что вы человек, отмеченный печатью удачи. И, кроме того, вы гонщик. Мне понадобится ваше умение. Через месяц всемирные автомобильные гонки... Вы откажитесь от выступления на автомобиле той фирмы, от имени которой всегда выступали. Мы дадим заявку на ваше выступление на этой машине. Понятно?

Стендаль кивнул.

— Мы будем богаты, — сказал Стендаль. — Мои сыновья будут иметь все, что захотят. Ты будешь заказывать наряды у лучших портных. Ты понимаешь, у тебя будет богатый муж. По-моему, мы должны по этому поводу пойти куда-нибудь и выпить. Как ты думаешь?

— Уложу детей спать и пойдем... Что-то мне не по душе эта история...

— Чепуха. Ты просто мнительна. — Стендаль обнял жену. — Ты моя самая любимая. Ты единственный человек на свете, с которым мне по-настоящему хорошо...

— У нас есть основания думать, что по крайней мере пять гонщиков на предстоящих автомобильных гонках рассчитывают на побитие рекорда, —

сказал телекомментатор. — Мы уже сообщали, что гонки будут транслироваться на весь мир. Итак, приглашаем вас завтра на открытие чемпионата мира по автомобильным гонкам. Уже выявлены команды всех стран мира, обладающих развитой автомобильной промышленностью. Единственный гонщик, который не будет представлять страну или фирму, — Стендаль Кросби, — заявит журналистам, что он выступит на автомобиле принципиально новой конструкции. Сегодня судейская коллегия решит вопрос о допуске Стендаля Кросби к гонкам... А теперь мы предлагаем вашему вниманию новый телефильм «Плевал я на ваши могилы» режиссера Дино Якопетти.

Старик выключил телевизор. Он посмотрел на часы:

— Пора. Я представляюсь как ваш юрист. Нам предстоит борьба, но мы победим, они не имеют права не допускать машину к гонкам.

Они приехали вовремя. Стендаль почувствовал, что председатель жюри, бывший сам когда-то одним из лучших автогонщиков мира, растерян.

— Мы не можем допустить вашу машину к гонкам, — сказал он Стендалю. — Вы же сами гонщик и знаете, что такого прецедента не было.

— Здесь находится мой юрист, — решительно сказал Стендаль, — и переговоры по всем вопросам я уполномочил вести его.

— Какими доводами, собственно, вы мотивируете свое запрещение участвовать в гонках? — сердито сказал старик. Он размахивал морковью перед самым носом председателя.

— В гонках участвуют автомобили, **автомобили**, вы меня понимаете, а как вы мне докажете, что этот металлический паук автомобиль?

— Я ничего доказывать не буду. Я заявляю, что это такой же автомобиль, только с лучшими ходовыми качествами, как и любая представленная здесь машина. Вы можете ее посмотреть всю, от бензобака до тормозных педалей. Единственное ее отличие от других машин — наличие ног, но покажите мне закон или правило, где было бы указано, что автомобиль должен быть на колесах.

— Господа, — старик обращался теперь к обступившим их гонщикам и членам жюри, — эта машина — автомобиль, я вас прошу осмотреть ее.

После длительного осмотра все пришли к убеждению, что машина действительно автомобиль по конструкции. Председателя обступили журналисты.

— Я допускаю эту штуку к гонкам, — сказал он. — Но пусть меня подерет черт, если я считаю, что поступил правильно.

До начала гонок оставалось меньше часа. К Стендалю подошел Ральф Бикара. Он тоже участвовал в гонках и считался одним из главных

претендентов на звание чемпиона. Он был младше Стендаля на десять дней, с детства они росли вместе и, пройдя поочередно через все увлечения, в конце концов стали автогонщиками. До шестнадцати лет они дружили втроем, но после аварии на мотоцикле, в которую влип Стендаль, их третий приятель занял место в психиатрической клинике.

Стендаль знал, что и на этих гонках, как на всех предыдущих, Ральф будет состязаться главным образом с ним. Так уж повелось с детства: стоило Стендалю заняться боксом, как самым упорным его противником на ринге становился Ральф. Правда, Стендаль неизменно выходил победителем, но Ральфа это не расхолаживало. Им нравились одни и те же девушки, не девушки чаще предпочитали Стендаля. Словом, во всем Ральф старался обойти Стендаля, но неизменно отставал от него, иногда это отставание измерялось в сантиметрах... В глубине души Ральф считал, что Стендалю просто везет.

— Ты серьезно собираешься гоняться на этой машине? — спросил Ральф. Стендаль кивнул.

— Может, ты скажешь, что рассчитываешь на медаль?

— Слушай, — сказал Стендаль и отвел Ральфа в сторону. — Я тебя прошу, не увлекайся. Понимаешь, эта машина обгонит всех с большим разрывом, все это поймут сразу, как только будет дан старт. Поймут все, кроме тебя. Когда-нибудь ты станешь чемпионом, но только не в этот раз... Ты не увлекайся, ладно?.. Обгоняй других... Второе место — это ведь тоже неплохо...

— Какие мы самовлюбленные, какие мы заботливые... Слушать противно! Ты что, всерьез на этом паучке собираешься прийти первым?..

Ударил гонг. Хлопотавшие над машинами механики, захлопнули капоты.

Стендаль не сводил глаз со стартера и включил сцепление ка полсекунды раньше выстрела. Это позволило ему тронуться с места раньше других, точно в момент старта. Обычно Стендаль избегал применять самый быстрый старт, потому что при этом двигатель, сцепление, трансмиссия и шины испытывают очень большую нагрузку, но теперь он мог позволить себе такую роскошь.

Стая машин рванулась с места. Обычно до изучения трассы на первом круге Стендаль оставался сторонником осторожной езды, но на этих гонках он чувствовал себя очень уверенно и с первых же минут забыл о прежней тактике.

Машина бежала легко, цокая по бетону стальными ногами. Стендаль оглянулся, сзади шоссе как будто подмели, ни одной машины. Он вспомнил просьбу старика — не особенно отрываться от остальных гонщиков, старик сказал, что иначе пропадет острота гонок: первенство, завоеванное таким образом, менее ценно, нежели медаль, полученная в результате напряженной

борьбы. Он сбавил газ. Из-за поворота на бешеной скорости вырвалась машина, Стендаль явственно услышал визг тормозов и увидел, как задымили на ней шины. Отсюда не было видно номера, но он почему-то почувствовал, что это машина Ральфа. Она каким-то чудом осталась на шоссе, менее искусному гонщику закончить поворот на такой скорости удалось бы только в опрокинувшейся машине. Теперь машина догоняла Стендаля. Он легонько нажал на акселератор; бегущие по шоссе ноги начали издавать звуки, напоминающие дождь. Машина Ральфа — а это была она, теперь он разглядел, — сразу же отстала. Стендаль подумал, что на этих гонках Ральф, пожалуй, мог бы занять первое место. Мог бы, если бы не он, Стендаль. Он следил за пронесившимся мимо серым полотном шоссе. Не надо было никого обгонять, хитрить, рисковать на поворотах. Стендалю дышалось легко, не было обычного нервного напряжения.

Тут внимание Стендаля привлек шум вертолета, летящего низко над шоссе. Он поднял голову. Это был вертолет прессы, на его машину были нацелены объективы кинокамер. Среди журналистов, по пояс перегнувшихся из кабины. Стендаль увидел старика. «Этот своего добьется, — подумал Стендаль, — уговорить, чтобы тебя пустили в вертолет к журналистам, представляющим крупнейшие газеты. — это получается не у каждого».

И вдруг Стендаль увидел, что пассажиры вертолета все одновременно посмотрели куда-то назад, а спустя несколько мгновений он услышал звук, от которого замирает сердце у любого гонщика. Когда он поворачивал голову, он уже знал, что это Ральф, он это чувствовал всем существом...

Он добежал до сплюсненной, окутанной клубами дыма машины Ральфа. Обжигая руки, попытался открыть дверцу, но ее наглухо заклинило. Тогда он разбил ветровое стекло и вытянул на капот бесчувственное тело. Его поразило лицо Ральфа, оно было белое и очень мертвое. Ладонью он почувствовал, что у Ральфа раздроблен череп выше затылка.

Он оттащил холодеющее тело в сторону от машины. Положил его на землю, поросшую молодой майской травой. «Проклятье, — кажется, вслух подумал Стендаль. — Это же мой единственный друг, больше ведь никого и нет. Надо же. — Он почему-то носовым платком вытер лоб Ральфа. — И еще тот, который в психиатрической клинике, — и оба по моей вине. Надо было убедить Ральфа, сказать ему, что сегодня мой день, а его еще наступит. Подождал бы. А сегодня все из-за меня» ... Он сидел на траве, и ему очень хотелось заплакать, а плакать он не умел.

Кто-то тронул его за плечо.

— Ему уже не помочь, — сказал врач.

«Я же никогда не желал ему зла. Когда ему нужны были деньги на постройку дома, я ему дал, дал по секрету от жены, и не взял их назад, когда он принес, потому что они были ему еще нужны, а ведь у меня никогда не было лишних денег. Но почему же я всегда радовался, что он во всем чуточку хуже меня. Я же радовался... Честно...»

А мимо по шоссе проносились машины. Гонка продолжалась.

«Я же знал, что так может случиться. Должен был знать, что он забудет о тормозе, о гонках, лишь бы обогнать меня. Это же его постоянное дурацкое выражение — «А я что – хуже?»»

Он безучастно следил за приземлившимся неподалеку вертолет. Его фотографировали. Обходили, снимали под разными углами – отдельно с трупом.

«Вставить и дать бы одному из них и челюсть. – Стендаль вдруг представил, как журналисты начнут снимать своего нокаутированного коллегу. – Самое трудное теперь – увидеть жену Ральфа, а это случится, как только закончатся гонки. Ведь мы собирались после гонок вместе пойти пообедать... Странно ... Как будто ничего не изменилось ... но уже нет человека, который был частью моей жизни. Странно». К нему подошёл старик. Он присел на корточки рядом:

- Ваш друг? Жаль, что так получилось. Я видел, он вышел из-за поворота не сбавив – скорости, очевидно, хотел повернуть, затормозив на юзе, но опоздал и вылетел с шоссе. Этого, конечно, не случилось бы, если б он ехал на нашей машине. На ей тормоза почти не нужны ... Жаль ... А у меня никогда не было друзей ... Вы гонку продолжать думаете? Сейчас нас уже обошли на два круга. Еще через один будет, пожалуй, поздно... Все-таки надо думать и о живых ... Вы должны выиграть. Следующие гонки состоятся только через год ... Через год жизни! Надо выиграть?

Стендаль пошел к машине. Садясь, он обернулся. Носилки с телом положили в фургон скорой помощи. Он захлопнул дверцу и дал до отказа газ. Машина рванулась с места со скоростью 140 километров в час. Она неслась скачками по шоссе, непрерывно увеличивая скорость. В газетах на следующий день писали, что это было страшное зрелище. Она начала обгонять соперников уже спустя круг, а когда два гонщика попытались преградить ей дорогу, заняв обе стороны шоссе, она обошла их, соскочив на миг с шоссе на обочину. И ни один из этих гонщиков впоследствии не мог обвинить Стендаля в нарушении правил гонок, потому что первыми нарушили их они.

За два круга Стендаль наверстал упущенное — на последнюю прямую он вышел в полнейшем одиночестве. Когда он финишировал, и диктор сообщил

результаты по времени, толпа как будто сошла с ума. Люди, отталкивая друг друга, бросились к машине. Они ощупывали металл, гладили стекла, заглядывали внутрь. Стендаль стоял поодаль и равнодушно наблюдал за происходящим. Как будто все это не имело к нему отношения. «Я же стал, наконец, чемпионом, — вяло подумал он, — почему же я не радуюсь? Может быть, так же чувствуют себя в первые минуты все чемпионы?»

К нему подходили многочисленные охотники за автографами, и он ставил подпись в их блокнотах, кажется, он дал несколько интервью репортерам, все это происходило автоматически, не затрагивая сознания.

...Не было ни одной газеты в мире, которая не поместила бы описание новой машины.

«Возраст автомобиля измеряется семьюдесятью годами. И весь прогресс автомобилей происходил до сих пор только в области увеличения скорости. Если автомобиль 1898 года был способен развить предельную скорость в 63 километра в час, 203 километра в 1909 году, и 624 километра в 1947, то сегодня мы имеем дело с машиной, способной развить скорость в полторы тысячи километров в час, и это не предел. Произошел качественный скачок, появился автомобиль на йогах. Трудно переоценить это событие. Эра колесных автомобилей кончилась. Вероятно, уже в ближайшем будущем человечество откажется от строительства бетонированных, асфальтированных и всяких других шоссе, откажется от железных дорог. Высвободятся колоссальные средства», — старик прочитал последние строчки вслух. — Все идет по плану. Завтра последний бой.

Стендаль вопросительно смотрел на него.

— Завтра на сборище директоров крупнейших автомобильных компаний я им объявлю свои условия. Вернее, объявлю не я, а мы вдвоем, ибо в нашем предприятии, как известно, всего два пайщика — вы и я.

— А какие условия вы собираетесь объявить?

Я объявлю, что у нас нет условий, что мы продаем эти машины всем желающим по весьма умеренной цене — но той самой, за которую купили вы.

...Казалось, в зале разорвалась бомба. Шум стих, когда встал руководитель компании, контролирующей добрую треть всех автомобильных фирм западного мира. Он старался казаться спокойным.

— Должен вам напомнить, — с легкой иронией сказал он, обращаясь к Стендалю и старику, — что здесь собрались деловые люди, напоминая вам об этом потому, что из ваших слов явствует, что вы собираетесь массовый выпуск

машин наладить сами, без пашей помощи. Мы не можем принять это заявление всерьез и просим изложить ваши условия.

— Господа, — терпеливо сказал старик. — По-моему, я выражаюсь достаточно ясно. Нам компаньоны не нужны. Автомобилями нашего изобретения мы в состоянии обеспечить всех, кто их пожелает купить. Не хочу вас огорчать, но придется: вашим предприятиям пришел конец. Я бы посоветовал переоборудовать ваши заводы для производства стиральных машин, установок для кондиционирования воздуха и пылесосов ..., Впрочем, проблема переоборудования заводов настолько ваше личное дело, что я просто не имею права вмешиваться. Единственное, что я хочу вам посоветовать в заключение — это покупка наших машин. Это очень хорошие машины, вы убедитесь сами... И, кроме того, они невероятно дешевы... Кстати, несколько человек из присутствующих уже купили их...

— А патент? На каких условиях вы согласны продать патент?!

— У меня нет патента, — просто сказал старик. — Мы, — он вежливо поклонился в сторону Стендаля, — не запатентовали наше изобретение — это очень хлопотно, и мы решили обойтись без этого...

— Вы не запатентовали?.. — у спрашивающего перехватило дыхание.

— Нет.

Несколько человек бросились к выходу, остальные последовали за ними. Через минуту комната опустела.

— Куда они все? — растерянно спросил Стендаль.

— Побежали разобрать одну из машин. Раз изобретение не запатентовано, то по закону любой может его скопировать. Вот они и побежали, теперь мы им, по их мнению, не нужны, — жестко сказал старик.

— Но это же лучшие инженеры-автомобилестроители мира, им достаточно один раз взглянуть на машину...

Старик успокаивающим жестом положил ему на плечо руку:

— Ничего не случится. Но как они все разом забыли о своем достоинстве, о приличиях... Пошли.

Старик подошел к группе людей, которые, подняв капот, внимательно рассматривали мотор одной из его машин.

— Господа, — сказал он, на мой взгляд будет нечестно, если я вам не сообщу одну подробность. Впрочем, о ней можно узнать в кабине машины, вот на табличке под сидением водителя. Видите, здесь написано: «Категорически запрещается отворачивать хоть одну гайку или болт, находящееся вне мотора. При несоблюдении этого условия- ответственность за моментальное разрушение машины несет сам владелец». Это означает: если отвернуть любую гайку или болт, а без этого как вы сами догадываетесь, нельзя увидеть

узлы соединения мотора с ногами, металл, из которого машина изготовлена, превратится в кучу металлической пыли... Вот как у них старик показал на машину, стоящую рядом, она медленно оседала, рассыпалась, и через несколько секунд на место машины лежала куча тяжелой серебристой пыли.

— Успели что-нибудь отвернуть? – спросил старик.

Бывший владелец машины растерянно кивнул.

— Мы только начали отворачивать гайку под кузовом.

— Пустяки, - сказал старик, - машины настолько дешевы, что огорчаться из-за это не стоит.

— Спрос на машины был громадный. В стране через некоторое время не оказалось почти ни одной семьи, которая не приобрела бы её. У некоторых машин столько же, сколько членов семьи. Вскоре это стало правилом. Способствовало этому еще то обстоятельство, что водителям не требовалось сдавать экзаменов для получения шоферских прав. Машинами обзавелись даже десятилетние школьники, благо езда была абсолютно безопасной. Специальное устройство предохраняло шестиногий автомобиль от столкновения с любым твердым телом, даже если водитель направлял машину на него сознательно. Теперь за руль могли садиться в стельку пьяные люди, и машины благополучно отвозили домой.

Стендаля поражало количество машин, закупаемых слаборазвитыми странами. Эти страны теперь закупили шесть-семь тысяч раз больше новых машин, чем раньше автомобилей. Если дело пойдет и дальше, то через некоторое количество купленных машин, пожалуй, сравняется с количеством населения.

— Во-первых, — сказал старик — наши машины весьма дешевы, но это обстоятельство, очень существенное, оказалось бы недостаточным, если бы не другие их качества, очень важные для стран, о которых ты говоришь... Если для нас основное значение имеет скорость и простота управления, то для населения тех стран на первом месте другие факторы, а именно: наши машины обходятся без дорог и не нуждаются в ремонтных мастерских. Я уж не говорю о такой детали, как их экономичность — на сто километров литр бензина — не так уж много, а?

Они сидели на веранде нового дома Стендаля. Дом этот спроектировал один из самых модных архитекторов.

— Я недавно вернулся из Африки, — сказал старик, — там наши машины шныряют в джунглях среди зарослей, как обезьяны, то же самое происходит в Южной Америке или на Суматре. Теперь джунгли не страшны, не страшны ни тигры, ни анаконды. Наверное, природа нуждалась в дополнении в виде наших машин.

Да, дела их шли неплохо. Территория заводов непрерывно увеличивалась. Теперь она занимала площадь города средних размеров. Вход на автоматические заводы был разрешен только владельцам или посетителям, предъявлявшим пропуск за подписью старика или Стендаля. Из ворот непрерывным потоком выезжали машины. Это было зрелище, надолго остающееся в памяти...

Пришла жена Стендаля с детьми. Старик некоторое время с любопытством наблюдал за мальчиками, которые вместе с пришедшими к ним в гости сыновьями Ральфа Бикара затеяли в саду игру в войну — роль танка выполняла машина, принадлежащая одному из мальчиков.

Дом вдовы Бикара был по соседству. Его спроектировал по заказу Стендаля гот же архитектор. Кроме того, семья его погибшего товарища получала ежемесячную пенсию, которую выплачивала фирма.

Когда старик узнал об этом, он только безразлично пожал плечами: «Теперь вы богатый человек и можете позволить себе все что угодно. Я не против!»

Он сидел, облокотившись на край стола и уставясь на жену Стендаля.

— Я сегодня прочел любопытную статейку в газете и подумал, что она может заинтересовать и вас. Поступил в серийное производство новый портативный прибор. Методом биохимического анализа он определяет, произойдут ли в психике новорожденного ребенка в будущем какие-нибудь существенные отклонения. То есть практически прибор предсказывает, будет ли он нормальным человеком или нет. Интересно?

— Не очень, — сухо сказала жена Стендаля. У нее еще с первой встречи возникло чувство острой неприязни к старику, а о том, что это чувство со временем не стало менее острым, было нетрудно догадаться.

— Почему же? Это действительно интересно. Скажем, анализ показал, что парень к восемнадцати годам станет неизлечимым шизофреником. Возможно, убийцей. Так уничтожив этого ребенка, можно избавить общество от крупных неприятностей в будущем, не так ли?

— Крошечного новорожденного ребенка уничтожить из-за показаний какого-то идиотского прибора, который, может быть, врет!

Стендаль увидел, что жена его побелела, а это точнее всех приборов предсказывало крупные неприятности для ее собеседника. Он попытался вмешаться:

— Конечно, это имеет смысл, надо уметь подавлять свои чувства во имя интересов остальных людей... Любим родителям будет неприятно узнать такое о своем ребенке, но...

— Значит ты согласился бы, чтобы твоего ребенка убили, так только он родился, в интересах какого-то проклятого общества?! Бедная мама была права. Она всегда говорила, что ты грубый бесчувственный человек.

Стендаль знал, что ее мама обычно отзывалась о нем гораздо хуже и об этих отзывах немедленно узнавали все обитатели громадного шестиэтажного дома, где жила его будущая жена. Зычному голосу «бедной покойной мамы» мог позавидовать любой капитан самого дальнего плавания.

— Ты зря нервничаешь. Ты прекрасно знаешь, что я дам себя немедленно повесить за каждого из наших сыновей, но речь же идет не о нас. И вообще, что это за манера все немедленно принимать на свой счет... Есть люди с дурной наследственностью, а иногда их дети...

Жена, не дослушав, со слезами на глазах, встала и, не попрощавшись, ушла в дом. Стендаль знал, что она пошла оплакивать всех еще не родившихся шизофреников Земли

— Женщины, — философски заметил Стендаль.

— Инстинкты, — возразил старик. — У людей все построено на инстинктах. Сейчас мы были свидетелями вспышки материнского инстинкта, а чаще всего мы сталкиваемся с примерами инстинкта самосохранения... Словом, человек — это прежде всего инстинкты, а потом уже разум, в известной степени...

В это воскресенье, как обычно летом, семья Кросби выезжала на рыбалку и пляж. Телефон зазвонил в самый последний момент перед выездом, когда дети уже были в машине.

— Это я, — сказал старик. — Собрались на пляж?

— Да, — сказал Стендаль. — Приходите вечером на жареную форель.

— Вечером?... Все думаю как-нибудь съездить с вами на рыбалку... — он замолчал, ожидая, очевидно, приглашения.

Стендаль беспомощно посмотрел на жену — она отрицательно покачала головой. Он с внезапным нахлынувшим раздражением вдруг как - будто в первый раз увидел, как она сдала за последние годы.

— Да, — искусственным голосом сказал в трубку Стендаль. — Обязательно, обязательно... Скажем, в следующее воскресенье.

Старик понимающе рассмеялся.

— Понятно. Значит, договорились? В следующее воскресенье.

Озеро было расположено на высоте почти пяти километров и редко посещалось приезжими.

Стендаль чувствовал на себе внимательные взгляды всей семьи, когда, достав из футляра со спиннингом коробочку с наловленными заранее мухами,

насадил сразу трех на крючок и забросил удочку в воду. Он перестал ощущать все, когда рыба клюнула. Она металась под водой, иногда с резким всплеском выскакивая на поверхность. Постепенно движения рыбы становились медленными, а когда она совсем притихла, Стендаль дернул натянутую леску. За первой в корзину последовали еще пять форелей. Сыновья заботливо поливали их водой.

— Хватит, — сказала жена. — Так ты до утра отсюда не уйдешь. Идем купаться.

Машина, ловко перескакивая через кусты и поваленные незадолго до этого пронесшейся бурей стволы деревьев, остановилась на речном пляже.

Они купались и плавали до тех пор, пока тела их не покрылись гусиной кожей. Своих сыновей Стендаль научил плавать с трех лет. Теперь они лежали на лужайке, на расстеленном ковре, и терпеливо ждали, когда разогреется на примусе обед.

— Пап, а почему мы никогда не купаемся там, ниже? — спросил старший.

— Там опасно. Если понесет к водопаду, то тебя не спасет никакая сила на свете. Поэтому и не купаемся.

И ты не сумеешь спасти? — недоверчиво спросил мальчик.

Стендаль знал, что сын слепо верит в его неограниченные возможности в любой области.

- Не сумею, — честно признался Стендаль. — Просто это невозможно.

— Значит, если я буду там тонуть перед водопадом, ты не пойдешь меня спасать?

— Во-первых, я уверен, что ты все-таки не сунешься в воду, — отчего-то злясь, сказал он. — А во-вторых, если я прыгну тебе на помощь, то погибнем мы оба,-только и пользы. А ведь ты у меня не один, кроме тебя еще мама и твой брат. Я же и о них должен заботиться.

Быстро наступил вечер, - они лежали возле костра, и Стендаль рассказывал сказку о хитром братце Кролике, который обманул и братца Леопарда, и злого Волка.

— Она на меня смотрит, — дрогнувшим голосом сказала вдруг жена.

— Кто?!

— Машина. Мне страшно.

Стендаль медленно повернул голову, на мгновение ему стало жутко; машина стояла невдалеке на самом берегу реки, красное пламя костра отражалось в ее фарах, и первое ощущение было такое, что машина наблюдает за людьми злыми, налившимися кровью глазами. Он вскочил с места, мягко отвел руку жены, которая пыталась его задержать, и, подойдя к машине,

повернул ее так, чтобы свет от костра не попадал на фары. Он вернулся к костру.

- Что с тобой? — сказал он, ласково погладив плечи жены. — Ну чего ты испугалась? Машины? — он разговаривал с ней, как с испуганным ребенком.

Она кивнула: и ее, и твоего старика.

Стендаль убрал руку с ее плеч.

— А тебе кто-нибудь из моих друзей нравится когда-нибудь? Хоть один. Тот — пьяница, этот — развратник, тот — глуп... Я никак не пойму, чем тебе не нравится этот старик. Благодаря ему мы стали богаты... Одиноким, старый человек...

Стендаль безнадежно махнул рукой и отнес в машину спящих сыновей. Весь обратный путь они молчали. Вечер был окончательно испорчен.

Старик бывал у них каждый день и, кажется, жена в какой-то степени примирилась с его присутствием. Однажды после его ухода она сказала мужу.

— Ты знаешь, у меня такое ощущение, что он изучает каждую сказанную мною фразу, ты прав, он, очевидно, очень неплохой, одинокий человек, но его присутствие мне всегда в тягость.

— Ты не против, — сказал Стендаль, — чтобы он завтра поехал с нами на рыбалку? Мне неудобно ему отказать. Завтра воскресенье.

— Знаешь... Поезжайте вдвоем. Я что-то плохо себя чувствую... Поезжайте.

...Они мчались к реке, а навстречу им неслись машины, люди.

Удить рыбу старик не стал. Он сказал, что предпочитает с утра, пока солнце не начало припекать, искупаться. Он разделся, и Стендаль, глядя на его худое тело, покрытое старческой дряблой кожей, вдруг с острой тоской подумал, что когда-нибудь и он постареет и его тело ничем не будет отличаться от того, что было перед ним. Форель ловилась плохо, и Стендаль решил перейти на другое место. Там он ловил всегда, это было на излучине под огромным деревом, которое неплохо защищало от солнца в жаркие дни. Стоя под деревом, он забросил спиннинг. Мысли его, как всегда на рыбной ловле, не были определенными, за что Стендаль и любил рыбалку. Вдруг он с досадой обнаружил, что снова думает о старике. «Один одинешенек — ни семьи, ни друзей..., Впрочем, один друг у него есть — это я». Стендаль горько усмехнулся, вспомнив судьбу двух своих прежних друзей. Он бросил форель, розовую, бьющуюся в руках, в корзину и посмотрел на реку. Там он увидел такое, от чего у него мгновенно похолодело в животе, застыли руки. По реке на спине плыл старик, плыл с закрытыми глазами, с лицом, застывшим в блаженной улыбке, — плыл по направлению к ревущему водопаду,

падающему с высоты 30 метров. Стендаль вскочил с места и заметался по берегу, что-то крича, прекрасно понимая, что все это бесполезно, что старик не слышит из-за рева водопада, а если даже и услышит, то ничего это не даст, до водопада оставалось шагов двести, и никакая сила на свете не могла бы вытянуть старика из стремительного течения. Стендаль побежал к утесу, возвышающемуся над рекой, — отсюда хорошо были видны водопад и человек, которого несло течение. Через несколько минут человек должен был поравняться с утесом, на котором стоял Стендаль. А он стоял, сжимая кулаки, и чувствовал, что бессилён что-либо предпринять, он ничего не мог сделать, ему была дана только возможность наблюдать. Минута. Еще минута. И вдруг молниеносным движением Стендаль рванулся с утеса вниз, в яростный поток.

...Первое, что он увидел, открыв глаза, было удивленное лицо старика. Он сидел рядом на траве, а под ним шумел водопад.

— Кто нас вытащил из воды?

— Я, — неохотно сказал старик, он продолжал с удивлением смотреть на Стендаля. — Почему вы бросились в воду?

— А как по-вашему? — раздраженно спросил Стендаль. — Может быть, для того, чтобы вытащить вас на берег?

— Вы же прекрасно знали, что невозможно спасти человека, которого затянуло в водопад. Так почему же вы это сделали? Вы же знали, что и вы погибните...Странно.

Самое странное, что вам удалось спасти меня и выплыть самому.

— Случайность... Так почему же вы бросились в воду? Из-за меня или из-за себя?.. Допускаю, что вам хотелось спасти меня, это тоже сыграло свою роль, но главное, по-моему, в другом. Вы больше сделали это из-за себя... Вам было бы чудовищно жить дальше, зная, что еще один ваш друг погиб, и вы ничего не сумели сделать для того, чтобы спасти его.

— Так что же, я виноват, в том, что вы сунулись в реку?

— Нет. Вы хотели спасти меня ценой своей жизни, но, повторяю, вы это делали не ради меня, а для себя, и в этом основное противоречие в характере человека. Все гораздо сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Теперь вам не в чем упрекнуть себя. Вы не были виноваты и тогда, когда погиб один ваш друг и сошел с ума другой. По почему же воспоминание о них всю жизнь угнетает вас? Дело разве в том, что вы их потеряли? Нет... В том, КАК ВЫ ИХ ПОТЕРЯЛИ, ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. Я повторяю, вы не при чем, но вы и не выложились до конца для того, чтобы их спасти. А теперь, в случае со мной, все в порядке, совесть ваша спокойна, вы сделали все для того, чтобы меня спасти. Результаты не важны. Вы знаете внутренне, что вы были настоящим человеком, совершили поступок, достойный настоящего

человека, вот, по-моему, в чем штука. Я только не могу понять одного, откуда появилось это понятие — НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ... Оно противоречит всем инстинктам и самому главному из них инстинкту самосохранения. Это понятие невыгодно человеку... Нет, есть кое-что, чего я не могу понять...

Стендаль, ни слова не говоря, подошел к машине и заглянул внутрь, он ожидал, что две бутылки коньяка, которые они привезли с собою, окажутся опустошенными, но бутылки оказались нетронутыми.

Я не пьян, — засмеялся старик, — и не сошел с ума. На его лице появилось обычное выражение. — Едем домой? На сегодня уже достаточно событий, а?-

Поток машин несся им навстречу, на бешеной скорости машины, еле заметно отклоняясь от прямой, уступали друг другу дорогу. Ни шума мотора, ни скрежета тормозов только шелест стальных ног, обутых в мягкие наконечники, о бетон. Машины мчались и по полю, и спускались со склонов гор. И куда бы ни обратил Стендаль свой взор, везде виднелись одни машины, которые выпускала их фирма. Почему-то ему стало не по себе. Ему очень хотелось в этом потоке шестиногих машин увидеть хоть одного человека, человека с самой противной, отталкивающей физиономией, лишь бы это был человек. Он даже решил остановить одну из машин, чтобы убедиться, что она движется не сама, а ею правят люди, но потом, устыдившись своих мыслей, раздумал.

— Их теперь ровно столько, сколько людей на Земле, — словно угадав его мысли, сказал старик. — Мы прекращаем выпуск... на некоторое время...

Как нам удалось выплыть? — неожиданно для самого себя вдруг сказал Стендаль.

— Не нам, а мне, — насмешливо поправил его старик. — Вы благополучно пробыли в обмороке все время, пока ваш покорный слуга способствовал тому, чтобы ваша так называемая бессмертная душа не покинула ваше менее долговечное тело.

— Как вам это удалось?

— Хотите узнать?

— Я считаю, что это мое право!

— Хм... Право... Слово какое-то жалкое... Ладно. Сегодняшнюю ночь мы назовем ночью откровений... Едем к вам!

Они подъехали к дому, когда уже наступила глубокая ночь. В саду дружным хором звенели сверчки. Свет горел только в одном окне. Стендаль подобрал на дорожке оброненный детьми совок. Машину они оставили у крыльца, там же стояли еще три — машины детей и жены. Несмотря на то, что в гостиной были раскрыты все окна, было душно.

— Выпьем? — сказал старик.

Стендаль кивнул.

Они сидели на веранде и пили принесенный Стендалем из холодильника коньяк.

— Сегодня я вам кое-что расскажу, наверное, это вам покажется интересным. Впрочем, это было бы интересно услышать любому человеку планеты... Это хорошее качество в человеке — интерес к необычному, любопытство, иногда оно еще вежливо именуется любознательностью... Интерес к другим мирам, скажем. Вполне законный интерес. Люди всерьез собираются передавать радиосигналы в космос и даже передают их. Выдвигают довольно — таки интересные гипотезы о возможных контактах с иными цивилизациями и даже поговаривают о посещении Земли инопланетными пришельцами. Причем, посещение это предполагается обязательно на огнедышащей ракете. Пришельцы, по мнению ученых, должны быть настроены либо миролюбиво, либо воинственно по отношению к землянам. И вы знаете, почему ученые все так себе представляют?

— Нет, — безразлично сказал Стендаль. Несмотря на многообещающее вступление старика, все это ему было не очень интересно, и, чтобы как-нибудь перебороть сонливость, он налил себе еще полстакана.

— Самомнение! Люди уверены, что инопланетные цивилизации похожи на земную. Похожи настолько, что захотят иметь с ними какие-то отношения. Им и невдомек, что... вернее, они не желают себе это даже представить, что возможно существование цивилизации столь же отличной от земной, как умственное развитие человека от развития кролика. Они даже не могут в своем самомнении этого представить!

— А вы не огорчайтесь из-за таких пустяков, — сказал Стендаль. — Стоит ли расстраиваться. Я с самого начала говорил то же самое — в космос соваться нечего, у нас и на Земле дел много.

Старик с сожалением посмотрел на Стендаля.

— Ладно. Все равно я вам расскажу то, что собирался. Может быть, утром вы кое-что вспомните. Люди не могут представить себе, что где — то разумные существа, обладающие возможностью бесконечно накапливать информацию, происходит это потому, что существа эти бессмертны... Вам никогда не приходила в голову мысль, что человек, мыслящий человек, должен быть, бессмертным что есть какое-то противоречие в том, что природа снабдила развитый человеческий мозг, способный развиваться бесконечно, столь недолговечным телом? Так не должно быть. Вам не кажется?

— Нет. Люди должны умирать. Я бы, например, не хотел бессмертия. Впрочем, никто мне его и не и не предлагает... — рассмеялся Стендаль, он был уже слегка пьян.

— Это логично, — серьезно! сказал старик. - Нельзя всерьез желать невозможного. Так вот, вернемся к разумной жизни. На Земле она возникла случайно — возможно, в какие-то незапамятные времена произошла вспышка сверхновой звезды - атмосферу Земли пронизало добавочное количество жесткой радиации и эта радиация явилась причиной появления в мозгу человекообразной обезьяны тех качественных изменений, которые и обусловили появление мыслящего человека.

— Интересно, — сказал Стендаль. — Значит, человек появился случайно?

— Случайностью это можно считать только на Земле. А вообще, во Вселенной, это закономерные случайности. Интересно другое. Все эти случайные цивилизации, подобные земной пройдя цикл развития, который прошли вы, гибнут. Не было нами зафиксировано ни одного случая, когда бы цивилизация, открыв тайну расщепления ядра, не погибла в пламени атомной войны. Я еще раз повторяю, ни одна цивилизация, подобная вашей, не миновала атомной гибели. По нашим расчетам, земная цивилизация то же должна погибнуть в результате мировой ядерной войны...

— Простите, — заплетающимся языком сказал Стендаль, — по чьим это — «по нашим расчетам»?

— Я же вам говорил цивилизациях высшего порядка, — нетерпеливо сказал, — и вот если предложить, что я, представитель этой высшей цивилизации, явился к вам на Землю, фактически уже обреченную на гибель, для того, чтобы спасти ее материальные богатства, природные ресурсы для нашей цивилизации...

— Замечательный вы человек, — восхищенно сказал Стендаль. — Вы же писатель. А я и не знал! И автоконструктор, и писатель. Счастливчик вы, вот кто!

— Перестаньте! — сердито сказал старик. — Через час от меня уже ничего не будет зависеть... Послушайте, вы, человек, постарайтесь хоть раз в жизни быть по-настоящему разумным... Ведь я еще могу передумать...

— Старина, ведь нам так хорошо. Стоит ли сейчас ломать голову над делами? Первый раз мы пьем вместе...

— Идем, — сказал старик. — Может быть, что я вам сейчас покажу, вас отрезвит. — Он решительно потянул Стендаля за рукав.

— И угораздило же меня встретиться именно с вами, — пробормотал вполголоса старик, когда они поднимались по лестнице. — Впрочем, все одинаковы...

Стендаль, покачиваясь, стоял на крыше. Старик подвел его к самому краю. Отсюда были хорошо видны ярко освещенные улицы и площадь. По ним беспорядочной и суетливой толпой сновали машины. То и дело возникали и гут же распадались группки из двух-трех машин. Сверху казалось, что эти собравшиеся в кружок машины, о чем-то шепчутся.

— Что случилось? — испуганно сказал Стендаль. — Почему ночью на улице столько народу?

— Это не народ, — глухо сказал старик. — В этих машинах нет людей.

Стендаль почему-то посмотрел на часы. Было три часа ночи. Старик перехватил его взгляд.

— Вас, наконец, проняло? — усмехнулся тот. — Теперь можно спуститься и поговорить.

Машины продолжали свое возбужденное шествие. Звуки его напоминали шум весеннего ливня. Несколько машин вдруг подбежало к дому напротив и одна из них, проворно перебирая ногами, взобралась на крышу.

Идем, — сказал старик. — Это уже становится опасным.

Они спустились вниз, в гостиную, и Стендаль машинально налил дрожащей рукой полный стакан коньяку, но выпить не смог. Спазма перехватила ему горло. Он молча наблюдал за стариком. Тот подошел к окну, выходявшему во двор.

— Ваши еще стоят на месте. Они еще машины. — Он подошел к столу. — Их сейчас на Земле ровно столько же, сколько людей. И через час каждая уничтожит своего хозяина...

— Всех людей?.. Кому это нужно?!

— Я вам начал рассказывать, но вам, кажется, было неинтересно. Вам, как и всем людям, обязательно надо почувствовать руку убийцы па горле чтобы начать действовать. Странные вы создания...

— Вы что-то говорили о времени, — сказал Стендаль. — Надо же что-то предпринять!

— Надо, — согласился старик. — В эти минуты накапливается последняя порция информации для окончательного формирования мозга каждой из машин. Когда этот процесс завершатся, их уже никто не сумеет остановить. Далее я. Мозг каждой из них будет точным слепком мозга человека — хозяина машины. И первое, что они сделают, — уничтожат людей. Они заменят человечество. Это будет законсервированная цивилизация. И наши ученые не торопясь изучат картину человеческого общества на Земле...

— Время, — умоляюще сказал Стендаль.

— А почему вы так уверены, что я захочу их остановить? Вы считаете, что будет лучше, если через некоторое время вы уничтожите друг друга сами,

а заодно и планету? Я уже говорил вам, что все цивилизации, подобные вашей, погибали. И человечество, по нашим расчетам, должно погибнуть. Мне тоже это казалось очевидным, когда я был там... Я и сейчас не совсем уверен обратном. Но это не важно... Самое главное для меня то, что здесь, на Земле, я понял, что вы имеете право на существование... Вы сами должны решать — существовать вам или нет. В вас сохранилось то, что мы давно утратили, а может быть, и не имели никогда. Вы способны убивать друг друга, но можете и жертвовать собой во имя ближнего. Вы жестоки, и в то же время добры, вы расчетливы и беспредельно безрассудны. Способность жертвовать собой во имя себе подобных — есть самое ценное, что я увидел на Земле. Вы ухитряетесь получать удовольствие от жизни, зная, что рано или поздно вам предстоит умереть. Вы цивилизация уникальных существ. И не нам решать вашу судьбу. Мне кажется, нет у нас на это права... Здесь место занято... Впрочем, если мне докажут, что я неправ, я вернусь снова... А теперь я ухожу...

Утром Стендаля разбудила жена. Он так и проспал остаток ночи, положив голову на скрепленные на столе руки.

— Доброе утро!

— Доброе утро, — сказал Стендаль. — Ты не сердись.

Я, кажется, расскажу тебе кое-что очень интересное за завтраком.

Умывшись, он вышел на веранду, где они обычно завтракали, и от изумления чуть не вскрикнул: там где вчера стояли их четыре шестиногих машины, поблескивали под утренними лучами солнца четыре серебристые, кучи, пыли а у порога стоял тот самый «Кадиллак», который они собирались купить в тот самый далекий день на выставке.